

ПОЗИЦИЯ ЗАПАДНЫХ И ВОСТОЧНЫХ ПОЛИТОЛОГОВ ПО МОНГОЛЬСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

THE POSITION OF WESTERN AND EASTERN POLITICAL SCIENTISTS ON THE MONGOLIAN POLITICAL REALITY

Т. Е. Бейдина,
Забайкальский государственный
университет, г. Чита
beydina@inbox.ru

T. Beydina,
Transbaikal State University, Chita

А. П. Литовченко,
Забайкальский государственный
университет, г. Чита
alexei.li.85@gmail.com

A. Litovchenko,
Transbaikal State University, Chita

Дан анализ подходов западных и восточных политологов в изучении политической действительности в Монголии. *Актуальность* работы заключается в том, что понятие «политическая действительность» в целом и по отношению к Монголии, в частности, ранее в российской научной мысли не рассматривалось. Работы зарубежных и отечественных политологов-монголоведов касались в основном исследования политических процессов в стране. Сравнительный анализ информационной базы, накопленной представителями западной и восточной научной мысли, позволяет выявить проблемные моменты при обращении к ней российских учёных.

Рассматривая вопрос о позиции западных политологов в изучении монгольской политической действительности, следует в первую очередь сравнить развитость научной мысли по политическим вопросам в странах Запада и Востока. С учётом основных противоборствующих сторон на монгольской политической арене, не принижая роль в регионе РФ, целесообразно остановиться на сравнении развития политической мысли в США и КНР, чему и посвящено исследование.

Монголию западные исследователи изучают больше не как объект политических интересов, а как субъект революционных действий. Разрабатывая вопрос о политической действительности в Монголии, западные монголоведы придерживаются эгоцентристской концепции демократии по отношению к Монголии. Китайских политологов в основном интересует монгольский вопрос с точки зрения потенциальных угроз суверенитету своей страны, в том числе с учётом активных действий США по сдерживанию внешней политики КНР в регионе.

В целом, в анализе западных и восточных исследователей конца XIX – начала XX вв. политическая роль Монголии недооценена. Однако была подготовлена источниковая база эмпирических исследований, которая сформировала условия для дальнейшего изучения страны в качестве объекта политических процессов. При этом Монголия зачастую рассматривается в качестве составной части Внутренней Азии, в которую входят как сама Монголия, так и российские Алтай, Республики Бурятия и Тыва, а также Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР. Всё сказанное актуализирует необходимость разработки проблемы монгольской политической действительности

Ключевые слова: монгольская политическая действительность; анализ западных и восточных исследований; политическая роль Монголии; политические вопросы; монголоведение; КНР; Россия; Внутренняя Азия; политология; политический процесс

The article analyzes the approaches of Western and Eastern political scientists in the study of political reality in Mongolia. The relevance of the work lies in the fact that the concept of “political reality” in general and in relation to Mongolia in particular was not previously considered in Russian scientific thought. The works of foreign and domestic political scientists-Mongol scholars mainly concerned the study of political processes in this country. A comparative analysis of the information base accumulated by representatives of Western and Eastern scientific thought makes it possible to identify problematic points when Russian scientists refer to it.

Considering the question of the position of Western political scientists to the study of Mongolian political reality, it is necessary, first of all, to compare the development of scientific thought on political issues in the countries of the West and the East. Taking into account the main warring parties in the Mongolian political arena, without belittling the role of the Russian Federation in the region, it is advisable to focus on the comparison of the development of political thought in the United States and China, which is what the article is devoted to.

Western researchers are now studying Mongolia no longer as an object of political interests, but as a subject of revolutionary actions. When developing the question of political reality in Mongolia, Western Mongol scholars adhere to the egocentric concept of democracy in relation to Mongolia. Chinese political scientists mainly consider the Mongolian issue from the point of view of potential threats to the sovereignty of their country, including taking into account the active actions of the United States to restrain China's foreign policy in the region.

In general, in the analysis of Western and Eastern researchers of the late XIX – early XX centuries, the political role of Mongolia was underestimated. However, a source base of empirical research was prepared, which formed the conditions for further study of this country as an object of political processes. At the same time, Mongolia is often considered as an integral part of Inner Asia, which includes both Mongolia itself and the Russian Altai, the Republics of Buryatia and Tyva, as well as the Xinjiang Uygur Autonomous Region of the People's Republic of China. All this actualizes the need to develop the problem of the Mongolian political reality

Key words: *Mongolian political reality; analysis of Western and Eastern researchers; Mongolia's political role; political issues; Mongolian studies; China; Russia; Inner Asia; political science; political process*

Актуальность исследования связана с разработкой проблемы монгольской политической действительности, так как политическая роль Монголии недооценена, что привело к застою в развитии политологии как в Монголии, так и в КНР. После образования КНР дисциплина политической науки в стране просуществовала недолго, что привело к её застою. В середине и конце 1950-х гг. преподавание и исследования в области политологии были прерваны и объединены с другими смежными дисциплинами. После 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва социальное развитие Китая вступило в новый исторический период (политика «реформ и открытости»), и китайская политическая наука была восстановлена.

Проблеме понимания страны и её организации китайская традиционная политическая мысль никогда не уделяла большого внимания. Это связано, во-первых, с тем, что Китай с древних времён верил – страна управляется «волею Неба и велением Судьбы»; и, во-вторых, в период династии Цинь централизованная феодальная монархия была основной государственной системой в стране на протяжении тысячелетий.

Только после прекращения правления династии Цинь некоторые китайские философы под влиянием западной мысли начали поднимать вопрос о реформировании политической системы страны.

Американцы более индивидуалистичны, чем китайцы. Культура в США, по сравнению

с КНР, характеризуется меньшей дистанцией власти и избеганием неопределенности. По окончании Второй мировой войны и до настоящего времени главным для современной политологической школы США является исследование традиций и проблем политической власти, изучение её конституционных основ и принципов, деятельности управленческого аппарата и политических партий, развитие новой теории государственного управления, политической модернизации.

Представители политических кругов зачастую используют термин «политическая действительность». Не углубляясь в философское учение, каждый из нас в целом понимает термин как факт окружающего мира, с которым взаимодействует индивид и в котором он существует. Если рассуждать с точки зрения научной мысли, то данное понятие можно рассмотреть в качестве трёх составных элементов: субъект, объект и среда. Данные элементы сосуществуют и взаимодействуют неразрывно друг от друга. Именно эта связь помогает познавать и понимать действительность, в нашем случае с точки зрения политологии.

Для понимания монгольской политической действительности, в концепциях западной и восточной политической мысли, на наш взгляд, целесообразно пойти от общего, философского определения «действительности». В дальнейшем, чтобы конкретизировать частное, а именно сформулировать выводы по научным позициям западных и восточных

политологов, следует вновь выделить в общее исследование наработанный зарубежными учёными научный информационный массив по монгольской проблематике.

С 1994 г. на заседании Великого государственного хурала Монголии принята «Концепция внешней политики Монголии», в которой определены принципы многоопорной и открытой внешней политики страны. В соответствии с Концепцией, главной целью Монголии является «поддержание дружественных связей с Россией и Китаем», а также расширение связей с США, Японией и другими крупными развитыми странами. Это означало отказ монгольской стороны от «односторонней» внешней политики, развитие всесторонних связей с различными мировыми державами.

Переход с начала 90-х гг. XX в. Монголии на путь демократизации, развитие открытой политики с внерегиональными партнёрами вызвали определённый интерес в среде научной политической мысли. С учётом активной «роли» США и их союзников в продвижении в монгольском обществе демократических идей, намерении западных стран использовать монгольскую территорию в качестве плацдарма для противостояния интересам России и Китая в регионе активизировалась деятельность американских и европейских политологов по монгольской проблематике. При этом в присущей западной мысли манере публикуемая научная и публицистическая литература зачастую носит прикладной характер, своего рода «руководство действий» для монгольского руководства страны, в первую очередь, в интересах Запада.

В этом плане восточная научная мысль по монгольской проблематике, в частности китайская, только набирает обороты. Однако анализ её является важным элементом для понимания развития политических отношений с Монголией, официальной позиции зарубежных представителей политических и научных кругов по отношению к монгольской политической действительности, а также возможных дальнейших инициатив в рамках международного сотрудничества.

Поэтому становится актуальным изучение западной и восточной политической мысли по монгольской проблематике российскими политологами с учётом динамично меняющейся обстановки в мире, расстановки политических сил на международной арене.

Объект исследования – характеристика политической действительности в Монголии.

В терминологии «действительность» определяется как действительное бытие сущего, осуществлённая реальность во всей своей совокупности. В русской философии термин впервые введён в 1877 г. В. С. Соловьёвым в труде «Философские начала цельного знания».

В современной российской политологии понятие «политическая действительность» как объект научного познания не рассматривалось. Однако отдельные работы посвящены «политической реальности». В частности, А. И. Швырков в исследованиях рассматривал реальность как нечто порождающее политические факты, то есть эмпирическое знание, полученное через взаимодействие с реальностью. В свою очередь, философия определяет понятие «реальности» как всё существующее в действительности.

В этой связи «политическую действительность» целесообразно определить как реальность и факты в прошлом и настоящем, познание которой позволяет нам делать объективные выводы и заключения о происходящем, выдвигать предположения и делать прогноз изменения среды и взаимодействующих с ней и в ней субъектов и объектов политической деятельности.

Таким образом, исследование научной мысли западных и восточных политологов по монгольской проблематике, их позиции и подходов даёт нам возможность объективно понять политическую действительность в Монголии.

Предмет исследования – подходы западных и восточных политологов в изучении политической действительности в Монголии.

Цель – охарактеризовать политический опыт исследуемой проблемы в дихотомии Восток – Запад.

В данном контексте накопленный информационный массив работ представителей западной и восточной политической мысли позволил поставить следующие задачи:

- проанализировать теоретические подходы к монгольской проблематике;
- обосновать объективность интерпретации политической действительности в Монголии.

Методологической основой являются исторический, социологический, системный

подходы с применением следующих общенаучных методов:

– общий библиографический анализ – проведён анализ материалов, подготовленных зарубежными политологами, выделена источниковая база по вопросу изучения ими политических процессов в Монголии;

– сравнительный метод исследования – изучены научные мысли и подходы западных и восточных политологов в исследовании монгольской действительности, проведено сопоставление их концепций в работе по исследуемой проблематике;

– дедукция – в результате изучения работ представителей западной и восточной научной мысли определены частные идеи и принципы исследования вопроса каждой из указанных научных школ;

– синтез – анализ исследований по частным вопросам внешней и внутренней политики в Монголии позволяет проводить более глубокое изучение монгольской политической действительности как целого, единого объекта исследования.

Степень научной разработанности проблемы. В числе работ российских политологов, которые особое внимание уделяли изучению монгольского вопроса иностранными учёными, необходимо отметить книгу М. И. Гольмана, проведшего комплексный анализ наработанной исследовательской базы западными монголоведами, «Современная Монголия в оценках западных авторов» [3], В частности, М. И. Гольман разделил литературу по содержанию и характеру на три категории: справочно-информационную, писательскую и научно-исследовательскую. При этом в качестве нового пласта монголоведческой литературы и источников он выделил служебные материалы и тематические публикации международных финансовых и донорских организаций и их представителей в стране.

В своём труде М. И. Гольман исследовал такие зарубежные материалы по Монголии, как «Исторический словарь» Алана Сандерса (Sanders, 1996; 2003); монографию двух американских учёных-антропологов Мелвина Голдштейна и Синтии Белл «Меняющийся мир номадов Монголии», целиком основанную на опросных данных и полевом материале (Goldstein, Bell, 1994); монографию большого коллектива учёных и практических работников из Дании, Швеции, Монголии,

США, Англии и Австралии «Монголия в стадии перехода. Старые структуры. Новые вызовы», вышедшую под редакцией датчан Оле Бруна и Оле Одгарда (Bruun, Odgard, 1996); монографию М. Россаби «Современная Монголия» и ряд других. При этом зачастую он даёт свою оценку объективности в подходах западных политологов к исследованию монгольской проблематики.

Исследованию российской научной мысли в отношении западных и восточных концепций политических процессов в Монголии глубокое внимание уделяли политологи-монголоеды В. А. Родионов [6; 7] и И. Б. Гармаева [2]. С преломлением на монгольскую действительность в своей работе «Монголия и вызовы политической нестабильности: проблема социальной паранойи в российском политическом дискурсе» А. В. Михалев [5], изучая вопрос политической нестабильности в Монголии через призму российских массмедиа, также обращался к западным концепциям политической мысли.

Таким образом, анализ работ российских политологов по монгольской проблематике свидетельствует о том, что российские учёные в основном обращаются к западным источникам. Использование материалов восточной научной мысли обычно ограничивается китайскими работами. При этом из-за недостатка материалов китайских исследователей либо доступа к ним мы ссылаемся на работы политологов других государств. Отсутствие прямого доступа к первоисточникам значительно затрудняет проведение всестороннего анализа исследований китайских монголоведов и не позволяет дать объективную оценку монгольской действительности.

Результаты исследования и их обсуждение. Монголия находится в орбите стратегического внимания США и их союзников и, как заявляет американская сторона, обеспокоена влиянием на неё со стороны России и КНР – двух вечных соседей, которые создают угрозу безопасности суверенитету Монголии, однако уровень популяризации знаний по стране в западной научной среде низкий. В Соединённых Штатах, например, многие американцы, которые имеют университетский уровень образования, но не специализируются на международных делах в Азии, плохо знают географическое положение, культуру и политическое значение Монголии.

Когда в западных образовательных учреждениях речь заходит о Монголии, возникает проблема: при преподавании географии СССР «как части Европы» практически не рассматриваются её отношения с регионом к востоку от Урала, а в китайской географии основное внимание уделяется южному Китаю. Кроме того, поскольку монгольский язык относится к алтайской языковой семье и далёк от других азиатских языков, информация о Монголии часто отсутствует в отделах, специализирующихся на Азии.

При этом число заинтересованных людей в исследовании монгольской проблематики с каждым годом растёт. В конце 90-х гг. XX в. западные монголоеды в основном уделяли внимание изучению вопросов исторического прошлого Улан-Батора в период социализма, его становления в постсоциалистическую эпоху, в том числе «по выбранному демократическому пути», роли США и их союзников в реализации монгольской демократии, в первую очередь, с точки зрения исторических событий, предшествовавших «независимости» Монголии от СССР.

В своей работе доцент кафедры политологии Университета Бриггама Янга (г. Прово, штат Юта, США) Эрик Хер [15] описывает отношения Монголии со своими соседями, как «арена “Большой игры” в борьбе за империализм между СССР и КНР», и пытается убедить читателя в том, что «Россия нуждается в Монголии в качестве буферного государства, чтобы защититься от пробуждающегося китайского дракона, который становится экономической и военной державой».

В целом указанная позиция западных политологов по монгольской проблематике прослеживается практически в каждой из статей. Даётся посыл негативного влияния российской и китайской сторон на Монголию, при этом зачастую описывается исторически сформированная поддержка США монгольской нации с целью, как нам видится, создать в монгольской среде положительный образ американской политики: «Точно так же, как Соединённые Штаты выступали против создания японцами марионеточного государства Маньчжоу-го в Маньчжурии, они, таким образом выступали против царского и советского влияния в Монголии и Синьцзяне» [17].

Если в отношении российско-монгольских политических связей западные монго-

ловеда в основном делают акцент на её влиянии в социалистический период, то действия Китая описываются с точки зрения расширения его влияния в регионе в настоящее время, которое затрагивает интересы не только Монголии, но и США. В присущей им манере пытаются прикрывать данную позицию так называемыми благими целями по поддержанию независимости третьей страны.

В этом плане интересны рассуждения отдельных политологов из числа западных представителей военно-политических кругов. В частности, контр-адмирал ВМС США (в отставке) Эрик А. Мевадон [14] в своей работе указывал на возможные угрозы для Монголии от расширяющегося на неё экономического влияния КНР, сопоставляя аналогичные действия китайской стороны по отношению к Казахстану. По его мнению, власти Китая использовали уйгурский вопрос (сепаратизма) для продвижения своих экономических интересов в Казахстане; Мевадон делает предположение о том, не является ли активная экономическая политика Китая угрозой для суверенитета Монголии: «Эти экономические, а не военные инициативы Китая позитивно воспринимаются на Западе. Нам нравится, что Китай уделяет меньше внимания своим Вооружённым силам и больше мерам экономической безопасности. Однако я спрашиваю вас, устраивают ли эти события Монголию либо вас больше беспокоит экономическая угроза со стороны Китая, чем угроза военной силы».

Анализируя работы конца 90-х гг. XX в. западных монголоедов, следует отметить, что, несмотря на их посыл об угрозах монгольской целостности со стороны России и Китая, фактически данные о конкретных шагах российской стороны, способных нанести ущерб Монголии, отсутствуют. Если китайская угроза ещё в какой-то степени описывается (возвращение территории, экономическая экспансия), то в отношении России подобного рода упоминаний нет. Указанные исследования свидетельствуют о том, что США в первую очередь обеспокоены укреплением позиций КНР в регионе, расширением её влияния на страны Центральной Азии, что не соответствует интересам западных стран. В этой связи западные политологи в своих работах делают акцент на общих с монгольской стороной подходах в выстраивании политики по отношению к Китаю – ослабле-

нии его влияния на Монголию, и выступают с поддержкой монгольской политики «третьего соседа», которая предусматривает развитие её политических, экономических и военных связей со странами Запада и их союзниками в Северо-Восточной Азии для баланса сил в регионе.

Так, А. Магид и Р. В. Мансбах [16] в статье «Монгольская безопасность в XXI веке: в поисках друзей и партнёров, а не союзников» отмечают: «И в том маловероятном случае, если Монголия когда-либо подвергнется запугиванию со стороны одного или обоих её могущественных соседей, дружеские и партнёрские отношения, установленные с другими ведущими странами международного сообщества в ходе экономического и политического перехода от государственного социализма к обществу открытого рынка, будут более важны для её выживания и общего благополучия, чем любой военный союз».

Одновременно даётся вывод о важной роли Улан-Батора в обеспечении безопасности в СВА, в связи с чем страны Запада рассматривают его в качестве основного партнёра по данному вопросу, в том числе в военной сфере: «Я вижу здесь роль Улан-Батора не только как нейтральной столицы и посредника, но и как компонент миротворческих сил и в других областях, хорошо соответствующих мощи дипломатического корпуса и Вооружённых сил Монголии. Соединённые Штаты рассматривают Монголию как ценного партнёра в области безопасности в Северо-Восточной Азии, особенно когда мы сталкиваемся с трудными проблемами, связанными с изменением структуры безопасности в этом регионе».

В первой и второй декадах 2000-х гг. изучение западными монголоведами монгольской политической действительности изменений практически не претерпело. Исследователи проводили анализ развития демократического общества в Монголии [19], продолжали изучать зависимость монгольской стороны от бурно развивающейся экономики Китая, исходящих из этого угроз безопасности монгольского государства [18]. Однако в указанных трудах, как и раньше, отсутствует прогноз развития дальнейших политических процессов в Монголии.

В этом плане, как представляется, относительно большие перспективы имеют работы монголоведа, доктора философских наук

Алисии Кампи [11–13], которая участвовала в предварительных переговорах по установлению двусторонних отношений между США и Монголией в 1980-х гг. и работала на протяжении длительного времени дипломатом в Улан-Баторе. А. Кампи опубликовала более 80 статей по современным проблемам Монголии, Китая и Северо-Восточной Азии, а также является автором книги «Влияние Китая и России на американско-монгольские политические отношения».

В своих исследованиях А. Кампи описывает не только проблемы трёхсторонних отношений России, Китая и Монголии с точки зрения американского видения данного вопроса, но и даёт оценку развития связей монгольской стороны с США и их союзниками в формулировке, которая позволяет делать прогноз дальнейших внешнеполитических инициатив Улан-Батора, в связи с чем повышается актуальность обращения к работам американки при проведении дальнейшего исследования политических процессов в Монголии.

Рассматривая вопрос о позиции восточных политологов в отношении монгольской политической действительности, следует отметить, что исследования в данном направлении в основном ведутся китайскими учёными, что связано в первую очередь с географическим положением КНР. Научно-исследовательская работа по Монголии в Китае ведётся только во Внутренней Монголии и в северо-восточной части страны. Работы по монгольской проблематике в центральном и южном регионах страны практически отсутствуют. В 2011 г. на базе Цзилиньского университета создан специализированный научно-исследовательский центр, который занимается изучением проблематикой пяти стран Северо-Восточной Азии (далее – СВА), в частности России, Японии, Республики Корея, КНДР, Монголии.

В Китае нет специализированных научных журналов по монголоведению. В изданиях по международной политике работ по монгольской проблематике представлено мало. Все труды по Монголии написаны с 1993 г. в количестве 97 и представлены в следующих научных изданиях: «Форум Северо-Восточной Азии», «Современный Азиатско-Тихоокеанский регион», «Мировая экономика и политика», «Исследование международной политики».

В результате проведённого анализа указанных ресурсов отмечается, что по вопросам международного сотрудничества и политическим процессам, которые связаны с изучением монгольской проблематики, всего представлено 33 работы: 12 работ по Монголии – в виде небольших аналитических и обзорных статей. Работы по вопросам международного сотрудничества в основном описывают двусторонние отношения Монголии с Россией, Китаем, США и Японией. Исследования о сотрудничестве Монголии с Евросоюзом и международными организациями практически не проводились, отдельной статьёй представлена работа «Исследование сотрудничества Монголии с Шанхайской организацией сотрудничества».

В конце 90-х гг. XX в. китайское учёное сообщество в области политологии мало уделяло внимания изучению политическим трансформациям Монголии в постсоветский период. С 2000-х гг. китайские политологи начали проводить исследования политических процессов в Монголии по трём основным направлениям: факторы, вызвавшие трансформацию внешней политики, её содержание и влияние на развитие страны.

В рамках первого направления исследований китайские монголоеды изучали изменения международной обстановки в определённые периоды, которые привели к многополярной внешней политике Монголии.

Так, Фан Хуа [9] в работе «Трансформация отношений Монголии с крупными державами» отмечал, что изменения во внешней политике Улан-Батора стимулировал не только распад социалистического блока. По его мнению, движущей силой также стал теракт 11 сентября 2001 г. в США, после которого американская сторона объявила о «Войне против терроризма». Монголия рассматривала возможность публично поддержать американское правительство с целью повышения международного авторитета страны.

В работе «Исследование современной внешней политики Монголии» Ван Чэнцзюань [1] отмечал, что стимулирующим фактором определения концепции внешней политики Монголии являлись ускорение процесса глобализации, тренд демократизации, новый мировой порядок в международных отношениях.

С учётом того, что экономический подъём Китая являлся катализатором внешнеполитических инициатив Монголии, Ян Сяоянь

[10] отмечал: «Монголия считает необходимым, с одной стороны, пересмотреть двусторонние отношения с Китаем, при этом рассматривать их в качестве приоритетных. С другой стороны, Монголия должна сохранять дистанцию с Китаем и не позволять ему усиливать влияние на монгольскую экономику и подрывать суверенитет страны».

Несомненно, для каждой независимой страны главным является отстаивание и продвижение своих собственных интересов. В этой связи Ван Чэнцзюань в своей работе рассматривал развитие экономических связей Монголии с внешним миром в качестве приоритетного элемента внешней политики данного государства: «Экономическая дипломатия усилила понимание потребности экономизации внешней политики, а внешняя политика способствовала строительству экономики Монголии».

В рамках изучения китайскими политологами вопроса о содержании внешней политики Монголии после ухода из-под влияния СССР рассматривались цели, которые монгольское руководство ставило в качестве приоритетных с конкретными странами. В частности, высказываются такие позиции:

1) с Россией Монголия стремится сохранить всеобъемлющее партнёрство посредством развития политических, экономических и военных связей;

2) выстраивая военно-политические связи с США, монгольское руководство тем самым старается обеспечить стратегическое экономическое сотрудничество;

3) развитие двусторонних отношений с Японией строится на основе финансовой помощи со стороны последней;

4) экономическое сотрудничество с Китаем используется для стимулирования двусторонних контактов в иных областях.

Китайскими политологами особое внимание уделяется вопросу о политике Монголии в рамках концепции «Третьего соседа». «Политику третьего соседа» китайцы изучают не только в формате монголо-американских отношений, но и с точки зрения выстраивания Монголией внешней политики по отношению к другим странам.

Ван Чэнцзюань описывает «политику третьего соседа» Монголии: «США является «соседом по военно-политическим вопросам»; Япония – «экономическим соседом»; Индия – «духовным соседом»; Республика

Корея – “важным соседом для экспорта рабочей силы”; Евросоюз – “соседом по вопросам образования” и т.д.». В свою очередь У Цзайчжэн [8] в своей работе отмечает: «по мнению монголов, усиление “политики третьего соседа” может не только принести Монголии экономическую выгоду, но и, по сути, является важным фактором обеспечения национальной безопасности страны».

Исследуя вопрос о влиянии трансформации внешней политики Монголии на развитие самой страны, китайские политологи отмечают положительную сторону произошедших изменений. Лю Шумэй [4] указывает на то, что корректировка внешней стратегии улучшила необходимую для развития страны внешнюю среду и условия, способствовала ускоренному развитию национальной экономики и повышению роли на международной арене, а также помогла обеспечить мир и стабильность в США.

Фан Хуа считает, что Монголия стала «активной частицей» в США, движущей силой в поддержании безопасности в регионе. А политика России, Китая и Монголии на «паритетных началах» несёт выгоду всем трём сторонам.

В то же время отдельные китайские политологи отмечают, что развитие монголо-американских связей в военной сфере, с учётом открытой политики США по сдерживанию России и Китая, формирует новые угрозы миру и безопасности в регионе, а также создаёт политические риски для самой Монголии.

Китайские политологи придерживаются позиции о том, что, несмотря на попытки Монголии соблюсти баланс при реализации внешней политики с такими странами, как Россия, США и Япония, развитие сотрудничества с указанными государствами несёт угрозы безопасности КНР. В этой связи они выражают мнение о необходимости дальнейшего всестороннего изучения происходящих в Монголии политических процессов в современных условиях.

Заключение. С учётом географического положения Монголии по отношению к Рос-

сии, стремления США и их союзников использовать монгольскую территорию в качестве базы для продвижения своих геополитических интересов в ущерб российской безопасности, постоянно усиливающегося экономического влияния КНР в регионе – важным вопросом становится изучение политической действительности в Монголии.

Проведённое исследование в отношении теорий и подходов западных и восточных монголоведов позволяет сделать вывод о хорошем накопленном политическом опыте. Однако указанные знания не могут дать исчерпывающего понимания политической действительности в Монголии. При этом позволяют выдвигать гипотезы, которые могут быть разработаны в рамках дальнейших научных исследований.

Исходя из анализа зарубежных источников информации, а также обращённости к ней российскими политологами-монголоведами целесообразно отметить следующие моменты:

– систематизация азиатских ценностей происходила в соответствии с западной методологической дихотомией: делением на коллективистский Восток и индивидуалистский Запад;

– язык дискурса западных исследований позволяет проводить глубокий анализ политических процессов в Монголии, однако наполнен американской концепцией «расширения демократии»;

– несмотря на системный подход в исследованиях российских политологов-монголоведов, остаются пробелы, связанные с обращением их к азиатским (восточным) источникам информации.

С учётом изложенного для организации дальнейшего всестороннего исследования необходимо не только учитывать навязываемую западными учёными прагматическую максимум «принципа демократии», но и проводить более глубокое изучение азиатских источников информации, что позволит сохранить три основных свойства научного исследования – эксплицитность, системность и контролируемость.

Список литературы

1. Ван Чэнцзюань. Исследование современной внешней политики Монголии // Академия МИД КНР. 2011. С. 37-42.
2. Гармаева И. Б. Влияние внешнеполитических факторов на политические процессы в Монголии после 1990 г. // Вестник БНЦ СО РАН. 2011. № 4. 96 с.
3. Гольман М.И. Современная Монголия в оценках западных авторов. М.: ИВ РАН, 2009. 192 с.
4. Лю Шумэй. Развитие отношений КНР, РФ, США, Японии с Монголией и их влияние на страну // Современные международные отношения. 2009. № 4. С. 47.
5. Михалев А. В. Монголия и вызовы политической нестабильности: проблема социальной паранойи в российском политическом дискурсе // Евразийство и мир. 2013. № 1. С. 126–137.
6. Родионов В. А. Политический процесс в современной Монголии в контексте постсоциалистических трансформаций. М.: Дипломатическая Академия МИД РФ, 2018. 359 с.
7. Родионов В. А. Россия и Монголия: новая модель отношений В начале XXI века. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. 228 с.
8. У Цзяйчжэн. Стратегия национальной безопасности Монголии и ее отношения с крупными державами // Журнал Института иностранных языков НОАК. 2007. № 4. С. 120.
9. Фан Хуа. Трансформация отношений Монголии с крупными державами // Современные международные отношения. 2006. № 7. С. 21.
10. Ян Сяоянь. Рассмотрение культурных конфликтов в китайско-монгольских отношениях с точки зрения исторических различий // Журнал Сельскохозяйственного университета АРВМ КНР. 2009. № 4. С. 325–326.
11. Campi A. Mongolia and the Coronavirus Outbreak – Rethinking Strategies for Regional Integration // The Mongolian Journal of International Affairs. 2020. № 21.
12. Campi A. Mongolia In Northeast Asia – The New Realities // The Mongolian Journal of International Affairs. 2005. № 12.
13. Campi A. Transforming Mongolia-Russia-China Relations: The Dushanbe Trilateral Summit // The Asia-Pacific Journal. Japan Focus. 2014. Vol. 12. Issue 45. No. 1.
14. Eric A. Me Vadon. China, The Central Asian Republics, Russia, and Mongolia // The Mongolian Journal of International Affairs. 1999. No. 6. P. 28.
15. Eric Her The “GREAT GAME”: Mongolia between Russia and China // The Mongolian Journal of International Affairs. 1997. No. 4. P. 62.
16. Magid A., Mansbach R. W. Mongolian security in the 21st Century: In quest of friends and partners, not allies // The Mongolian Journal of International Affairs. 1998. No. 5. P. 8.
17. Quester G. H. American sensitivity toward Mongolia // The Mongolian Journal of International Affairs. 1996. No. 3. P. 57.
18. Reeves J. Mongolian State Weakness, Foreign Policy, and Dependency on the People’s Republic of China. London: Department of International Relations of the London School of Economics, 2010.
19. Sabloff P. Why Mongolia? The political culture of an emerging democracy // Central Asian Survey. 2002. No. 21.

References

1. Van Chentszyuan'. *Akademiya MID KNR* (Wang Chengjuan. Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the People’s Republic of China), 2011, pp. 37–42.
2. Garmayeva I. B. *Vestnik BNTS SO RAN* (Garmayeva IB Bulletin of the BNTs SB RAS), 2011, no. 4. 96 p.
3. Gol'man M. I. *Sovremennaya Mongoliya v otsenkakh zapadnykh avtoro* (Modern Mongolia as assessed by Western Authors). Moscow: IV RAN, 2009, 192 p.
4. Lyu Shumey. *Sovremennyye mezhdunarodnyye otnosheniya* (Contemporary international relations), 2009, no. 4, p. 47.
5. Mikhalev A. V. *Yevraziystvo i mir* (Eurasianism and the world), 2013, no. 1, pp. 126–137.
6. Rodionov V. A. *Politicheskiy protsess v sovremennoy Mongolii v kontekste postsotsialisticheskikh transformatsiy* (Political process in modern Mongolia in the context of post-socialist transformations). Moscow: Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 2018, 359 p.
7. Rodionov V. A. *Rossiya i Mongoliya: novaya model' otnosheniy V nachale XXI veka* (Russia and Mongolia: a new model of relations at the beginning of the XXI century) Ulan-Ude: Publishing house of BNTs SO RAN, 2009, 228 p.

8. U TSYaychzhen. *Zhurnal Instituta inostrannykh yazykov NOAK* (Journal of the PLA Institute of Foreign Languages), 2007, no. 4, p. 120.
9. Fan Khua. *Sovremennyye mezhdunarodnyye otnosheniya* (Contemporary international relations), 2006, no. 7, p. 21.
10. Yan Syaoyan'. *Zhurnal Sel'skokhozyaystvennogo universiteta ARVM KNR* (Journal of the Agricultural University ARVM of the PRC), 2009, no. 4, p. 325–326.
11. Campi A. *The Mongolian Journal of International Affairs* (The Mongolian Journal of International Affairs), 2020, no. 21.
12. Campi A. *The Mongolian Journal of International Affairs* (The Mongolian Journal of International Affairs), 2005, no. 12.
13. Campi A. *The Asia-Pacific Journal. Japan Focus* (The Asia-Pacific Journal. Japan Focus). 2014, vol. 12, issue 45, no. 1.
14. Eric A. Me Vadon. *The Mongolian Journal of International Affairs* (The Mongolian Journal of International Affairs), 1999, no. 6, p. 28.
15. Eric Her. *The Mongolian Journal of International Affairs* (The Mongolian Journal of International Affairs), 1997, no. 4, p. 62.
16. Magid A., Mansbach R. W. *The Mongolian Journal of International Affairs* (The Mongolian Journal of International Affairs), 1998, no. 5, p. 8.
17. Quester G. H. *The Mongolian Journal of International Affairs* (The Mongolian Journal of International Affairs), 1996, no. 3, p. 57.
18. Reeves J. *Mongolian State Weakness, Foreign Policy, and Dependency on the People's Republic of China* (Mongolian State Weakness, Foreign Policy, and Dependency on the People's Republic of China). London: Department of International Relations of the London School of Economics, 2010.
19. Sabloff P. *Central Asian Survey* (Central Asian Survey), 2002, no. 21.

Информация об авторе

Бейдина Татьяна Евгеньевна, д-р полит. наук, профессор, зав. кафедрой государственного, муниципального управления и политики, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: политология, международные отношения, национальная безопасность России, страны мира
beydina@inbox.ru

Литовченко Алексей Павлович, аспирант, кафедра государственного, муниципального управления и политики, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: политические институты, международные отношения, регионоведение КНР и Монголии
alexei.li.85@gmail.com

Information about the author

Tatyana Beydina, doctor of political sciences, professor, head of the State, Municipal Administration and Policy department, Transbaikal State University, Chita, Russia. Scientific interests: political science, international relations, national security of Russia, countries of the world

Aleksey Litovchenko, postgraduate, State, Municipal Administration and Policy department, Transbaikal State University, Chita, Russia. Scientific interests: political institutions, international relations, regional studies of the PRC and Mongolia

Для цитирования

Бейдина Т. Е., Литовченко А. П. Позиция западных и восточных политологов по монгольской политической действительности // Вестник Забайкальского государственного университета. 2021. Т. 27, № 5. С. 53–62. DOI: 10.21209/2227-9245-2021-27-5-53-62.

Beydina T., Litovchenko A. The position of Western and Eastern political scientists on the Mongolian Political Reality // Transbaikal State University Journal, 2021, vol. 27, no. 5, pp. 53–62. DOI: 10.21209/2227-9245-2021-27-5-53-62.

Статья поступила в редакцию: 18.05.2021 г.
Статья принята к публикации: 06.06.2021 г.